

Achová, Jana

К сатирическому образу русской деревни в прозе 60-70-х годов : (над романом В. Войновича о солдате Чонкине)

Opera Slavica. 1995, vol. 5, iss. 1, pp. 35-41

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116343>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К САТИРИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ПРОЗЕ 60-70-Х ГОДОВ (Над романом В. Войновича о солдате Чонкине)

Яна Ахова

1. В 60-70-е годы была несомненно очень популярной и создала, наконец, довольно автономный период в развитии темы, т. наз. "деревенская проза", которая сменила предыдущую прозу "колхозную" первой половины 50-х годов. Публиковались рассказы и повести Евгения Носова, Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Солоухина, Юрия Казакова, Владимира Тендрякова, Василия Шукшина и Чингиза Айтматова, романы и другие произведения Бориса Можаяева, Федора Абрамова, Владимира Личутина, Виктора Астафьева и начинающего печататься Владимира Крупина. Многие из них оказались настоящими литературными событиями (если напомнить, к таким отнеслись напр. повести В. Распутина, прежде всего "Живи и помни", беловское "Привычное дело", астафьевская "Царь-рыба" и др.).

Писатели-деревенщики в 60-70-е годы изображали жизнь сельского жителя с многообразием его проблем в социальной, нравственной и дальнейших областях его макро- и микромира в различных взаимоотношениях с другими людьми и окружающей средой.

Особый интерес иногда привлекали произведения остросюжетные, многоконфликтные, и еще больше - сатирические и сатирико-фантастические. Такими оказались произведения Василия Шукшина, Бориса Можаяева, Владимира Тендрякова и Владимира Крупина. В потоке произведений деревенской прозы это, конечно, довольно мало, но общеизвестно, что для цензуры были приемлемы почти только фантастические произведения (среди произведений деревенской прозы напр. крупинская "Живая вода" - 1980¹). Если сравнить принятие критикой лиричного беловского "Привычного дела" и сатирического можаевского "Живого" в том же 1966-ом году, то приходим к выводу, что выше оценивался и больше иногда нравился пассивный Иван Африканович, чем полемику вызывающий сноровистый, предприимчивый и активный в борьбе за элементарное право на жизнь для своей многодетной семьи можаевский герой Федор Кузькин. Проблемы испытывал с публикацией своих произведений В. Шукшин и только перестройка принесла

¹ См. напр. *Zahrádka, M.*: Ruský literární proces konce 80. a začátku 90. let. Olomouc, FF UP 1994, s. 48.

широкую известность этому писателю и драматургу, в творчестве которого сатира играет столь значительную роль. Только в посмертном наследии В. Тендрякова имеются сатирические произведения, как "Чистые воды Китежа" и "На блаженном острове коммунизма". Судьбы сатирических произведений всегда были сложны и трудны - это известно с времен Салтыкова-Щедрина.²

Настоящая сатира, оказывается, могла в 60-70-е годы, т. е. до "перестройки", возникать свободно только за границей СССР (или найдется еще, может быть, среди неопубликованных произведений в России).

2. К известнейшим в настоящее время сатирическим произведениям относится роман-анекдот³ Владимира **Войновича** (1932), живущего с 1980-го года в вынужденном изгнании за границей и только недавно вернувшегося на родину, с названием "**Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина**" (за границей 1975-1979; в России 1988-1989, отдельной книгой 1990).

Этот роман, встреченный критикой и читателями с противоречивыми взглядами,⁴ нельзя отнести однозначно к деревенской прозе, так как здесь говорится о многом другом; об армии, о работе партийных деятелей, об органах НКВД, о положении евреев, о печати, об исправительно-трудовых лагерях и т.п. Он представляет собой произведение многоликое, населенное автором не только простыми людьми, а также историческими личностями (Сталин и Берия, Гитлер и Гиммлер...). Рассказ ведется в романе самим автором от первого лица. В самом начале автор-рассказчик, раскрывая свое отношение к "случаю, с которого началась и тянется ... вся история", говорит; "...я собрал в кучу все, что слышал по данному поводу, и прибавил кое-что от себя, прибавил, может быть, даже больше, чем слышал..."⁵

С вездесущей иронией, очень подробно и с многими деталями вводит рассказчик читателя в мир деревни Красное (раньше Грязное), где живет Нюра Беляшева, "девушка грамотная, которая иногда читала "Блокнот агитатора", и ее односельчане и где "председатель пьет без всякого удержу". И потом, с той же иронией и часто даже с сарказмом,

² См. напр. *Vlašková, V.: Satira okřídlená fantazií.* Praha, Lidové nakladatelství 1975.

³ Жанровое определение см. *Zahrádka, M.: Ruský literární proces konce 80. a počátku 90. let.* Olomouc, FF UP 1994, s. 49.

⁴ Ср. *Войнович, В.: О моем непутевом блудном сыне.* См.: *Войнович, В.: Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина.* Москва, Издательство "Книжная палата" 1990, с. 540.

⁵ *Войнович, В.: Жизнь и необычайные приключения..., с. 8.*

проводит своего читателя по миру своего романа. Заметен и своеобразный по своей сути юмор еврейский.

С не совсем будничной обстановки, вынужденной посадки самолета, которая составляет завязку романа, начинается писатель создавать образ довоенной деревни, ныне ошеломленной известием о начале войны, изображая реальную жизнь и быт жителей деревни, в котором много смешного и комического, вопреки военному положению и трагедии, которая обрушилась на страну. Из ряда комических эпизодов можно напр. напомнить образ общей драки около деревенского сельпо из-за соли и спичек, или с юмором охарактеризованное рассказчиком "мякишевское движение", открытое здешней дояркой Люшей Мякишевой, закончившееся таким широким обменом опытом и выступлениями, что "коров доить совсем стало некому", и т. д.

В связи с расширением пространства романа на другие темы, с переносом действия из деревни в город, с включением многих лиц в композиционно-сюжетную структуру, юмора и чисто комических эпизодов все меньше. Усиливается сарказм, возрастает гиперболичность, трагикомизм явно направляется к трагедийности. Венедикт Сарнов убеждает, что в соответствии с судьбой самого писателя это логично и что Войнович становится "жестче и злее".⁶

В первой книге романа ("Лицо неприкосновенное") солдат Чонкин активно действует, а во второй ждет в тюрьме, измученный и изнуренный, судебного разбирательства ("Претендент на престол"). Как уже было сказано, "основные события происходят не с ним, а вокруг него. Происходят с другими персонажами книги, которые так или иначе оказываются втянутыми в "дело дезертира Чонкина" или заинтересованными в том или ином исходе этого дела".⁷

Но мир этих персонажей - представителей власти - Чонкину непонятен и неизвестен. С сарказмом Войнович раскрывает своеобразный быт "номенклатурщиков", которые не хотят ничего менять в своем положении, так как карьера и достаток им дороже всего. Рассказчик приводит ряд наглядных эпизодов; напр. секретарь Худобченко еще в молодости бросил любимую девушку, когда ее родителей объявили "врагами народа", потому что он "себя любил больше"; прокурор Евпраксеин на словах хочет помочь председателю Голубеву, но практически это сделать не сможет из-за своей трусости и страха... И читатель постепенно убеждается в абсурдной закономерности: устоять и уцелеть в данных условиях очень трудно, даже невозможно, как бы эти персонажи ни старались. Свидетельством этого имеются трагические судьбы многих из них. Напр. лейтенант Филиппов ни с того ни с сего обвиняется

⁶ Сарнов, В.: Естественный человек в неестественных условиях. См. Войнович, В.: Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина... с. 528.

⁷ Там же, с. 528.

начальником в том, что он - личный агент адмирала Канариса Курт. И он сразу попадает в тюрьму. Прокурор Евпраксеин из-за мук своей совести хочет совершить самоубийство; в последнюю минуту это свое решение отменяет, но, благодаря своей неловкости, случайно все равно умирает. Первый секретарь райкома Ревкин не понравился майору Фигурину из-за того, что сказал правду об изменнике Миляге, и поэтому обвиняется в том, что был "подручным Чонкина", и таким образом тоже попадает в тюрьму. Председатель колхоза Голубев удачно вывернется из "персонального дела", но в тюрьму попадает по авторской иронии "за срыв поставок и контрреволюционный саботаж" в пустой деревне, откуда сослали жителей. Редактор Ермолкин вследствие постоянного душевного напряжения, причиной которого стала опечатка ("Указания товарища Сталина стали мерингом мудрости" вместо "мерилом") в его газете, сходит с ума; считаясь жеребенком, он гибнет от удара лошадиного копыта.

Среди многих отличаются в романе чрезвычайной яркостью и абсурдностью два образа. В первом рассказчик воспроизводит сцены недостойного поведения капитана Миляги, освободившегося из-под чонкинского ареста и плохо сориентировавшегося в положении (русских солдат он считает немцами, поэтому проявляет подхалимство и приспособленчество, чтобы спастись). Но справедливым приговор над изменником - расстрел - на ходу действия парадоксально трактуется его преемником, как героизм. И так разыгрывается гротескная во своей фальшивости абсурдная сцена похорон "героя Миляги", останки которого в деревне не нашлись, из-за чего в гробу оказались при его случайном падении "одни странные длинные кости и лошадиный череп". В зрелище властями тщательно подготовленного траурного митинга, с неожиданным и полным сюрпризом финалом, явно чувствуется и щедринская фантастичность, и гоголевская гротескность.

Ко второму образу. Автор-рассказчик описывает абсурдную сцену судебного разбирательства дезертира Чонкина в качестве спектакля с названием "Процесс князя Голицына". Он дает список "исполнителей" и действующих лиц, воспроизводит атмосферу "сцены"; "зрительного зала" и "закулисного пространства", где работают "режиссеры", т. е. работники следственных органов. Изложенная здесь в то же время история происхождения группы "скандинавов", приехавших по заказу организаторов этого суда, занятие которых связано с глаголом "скандировать", способствует созданию впечатления настоящего спектакля, усиливая еще действеннее абсурдность происшедшего.⁸

3. По словам самого автора, у Чонкина "две основные предтечи: это сказочный Иванушка-дурачок и совершенно реальный человек".⁹

⁸ Войнович, В.: Из русской литературы я не уезжал никуда. Дружба народов, н. 12, 1991, с. 255.

Можно установить, что подобные герои уже читателю известны; такого же героя, Ивана-дурака, послал В. Шукшин во своей сатирической сказке "До третьих петухов" за справкой к Мудрецу. И в романе Войновича о Чонкине героем является по авторской концепции человек простодушный, у которого что на уме, то и на языке. Он не заботится о впечатлении, какое производит. Другим людям он кажется дурачком, потому что он не понимает их мелких хитростей и уловок. Рассказчик в начале романа шутливо извиняется перед читателем за то, что "автор не взял из жизни настоящего воина-богатыря, высокого, стройного, дисциплинированного, отличника учебно-боевой и политической подготовки". И еще добавляет: "Всех отличников расхватали, а мне вот достался Чонкин. Я сперва огорчился. Потом смирился. Ведь герой книги, он как ребенок - какой получился, такой и есть, за окошко не выбросишь..."⁹ Рассказчик со снисходительной улыбкой, иногда с еле заметной иронией, дает подробную внешнюю характеристику своего некрасивого и на вид не очень интересного героя, который во многом похож на жокеевского Федора Кузькина ("Живой"). Он знакомит читателя с его внебрачным происхождением, бедным детством и молодостью, с его положением в армии. С момента его появления в селе Красное, куда он попал выполнять обязанности часового около самолета, автор заставляет своего героя действовать во многих динамических и даже опасных ситуациях. Напр. излагает историю столкнувшихся с Чонкиным работников НКВД, которые пришли его арестовать. Чонкин их с помощью Нюры разоружил и сам их арестовал в ее доме. Смешно и удивительно, что их никто не ищет. Выявляется абсурд: они никому не нужны. Смешны и ироничны картины "чонкинского звена", трудящегося на уборке картофеля на пользу кооператива, между тем как по району идут уже слухи о "Чонкине и его банде", так как любопытная телефонистка неточно услышала председательскую информацию о "Чонкине и его бабе".

Так же подробно и с той же симпатией рассказчик воспроизводит характер Нюры Беляшовой, которая в своем нерадостном одиночестве полюбила Чонкина, и беременная, когда Чонкина арестовали, совершает настоящее "хождение по мукам", ожидая часами приема в учреждения. Рассказчик комментирует ее усилия с особенной теплотой и саркастически осуждает тех "важных людей, которые сидели за теми дверьми и работали без наркоза... и не вырабатывали ничего, кроме ненужных бумаг".¹⁰

Выше было сказано о мире партийных деятелей, начальников, работников следственных органов - другим словом "номенклатурщи-

⁹ Войнович, В.: Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М., Изд. "Книжная палата" 1990, с. 21.

¹⁰ Войнович, В.: Жизнь... с. 280-281.

ков". Автор-рассказчик наглядно описал картину одного заседания райкома, полную абсурда и демагогии властных политических деятелей по отношению к простым коммунистам и всем другим людям. На многих местах в романе изображается их аморальность, пьянство и др. пороки. Кажется, они типичны и в то же время отличаются друг от друга своими прихотями, своей "чудинкой", если это выразить по Шукшину. Но их "чудинки" бывают не просто интересные и занимательные, а порой оказываются опасными или унижающими достоинство человека (напр. прокурор Евпраксеин выводит пьяным по ночам свою жену для расстрела в одном халате к общественной уборной, что соседи уже считают обыденным явлением).

Как было выше установлено, предметом осмеяния в романе Войновича имеются тоже исторические личности. С иронией и сарказмом воспроизводит писатель во второй книге своего романа парадоксальные по своей сути параллельные образы сталинского и гитлеровского убежища и сцены общего недоверия вождя Сталина и фюрера Гитлера к окружающей среде, и даже к самым близким сотрудникам. Сталина с Берией, Гитлера с Гиммлером, генералов, личного агента адмирала Канариса и др. ввел автор в фабулу своего романа несомненно потому, чтобы внести сюда авантюрные мотивы, расширить масштабы повествования и усилить гротескность. И благодаря этим лицам смогло осуществиться следующее: единый образ Чонкина раздваивается (местные должностные власти после того, как только обнаружили у Чонкина отца-князя, сделали уточнение: Голицын-Чонкин) в тот момент, когда Берия самовольно приказал убрать фамилию Чонкина в "Письме о дезертире Чонкине". Для Сталина становится Чонкин только "князем Голицыным", которого, по распоряжению Сталина, "надо судить показательным судом с освещением в прессе". Зато, несколько позже, аутентичный рассказ генерала Дрынова в личной беседе со Сталиным о Чонкине, "солдате с крестьянским происхождением, который беззаветно служит родине, занял семерых, принял бой с полком и сражался до последнего патрона", вызывает у Сталина умиление; Чонкин ему очень нравится, и он даже поднимает тост "за простого русского солдата Чонкина".

Позже с иронией автор-рассказчик соединяет образ Чонкина-богатыря во сне Сталина с одинаковым образом Голицына-богатыря в воображении Гитлера, который приказывает спасти его жизнь (поэтому танки Гудериана не возьмут Москву, а город Долгов).

Раздвоенный образ Чонкина приводит к тому, что крайне изумленный майор Фигурин читает телефонограммы с противоположными распоряжениями (в первой написано: "приговор врагу Голицыну привести в исполнение немедленно" и во второй: "рядового Чонкина немедленно доставить в Москву для представления к правительственной награде"). Выходит, именно это и спасает Чонкина, отправленного после того Фигуриним на волю. Получается анекдотичная концовка.

4. Хотя сам автор романа "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" Владимир Войнович не относит это произведение к сатире (сюда в одной из бесед отнес "Иванькиаду" и роман "Москва 2042", он создал роман на самом деле сатирический, достоинства которого неоспоримы. Его роман о Чонкине представляет собой умное и умелое художественное сплетение реальности с фантазией, в котором отразился образ эпохи. Реалистические картины (часто смешные и комические) чередуются с гротескно-чудовищными эпизодами, наряду с описанием будней в жизни персонажей имеется гиперболичность.

Но диапазон авторских приемов для выявления абсурда намного шире. К ним относятся, как мы постараемся в другое время продемонстрировать, напр. следующие: а) изображение реальных ситуаций, в которых закодирован более глубокий смысл; б) запечатление иногда нелогичного мышления героев; в) применение автором гиперболы; г) приемы типично еврейского юмора...

Весь роман пронизан симптоматично для изображаемой эпохи мотивом страха, иногда ощутимого, иногда еле уловимого (страх испытывают у Войновича многие персонажи романа, особенно те, которые относятся к рангу "номенклатурщиков". Умышленно и с сарказмом наделил автор страхом в наибольшей степени героя, который должен быть опорой законности - прокурора Евпраксеина).

Войнович этим своим романом небывало широко показал образ русской деревни, затронув ее в контексте связей и контактов с жизнью страны в целом. Сатирическое видение мира с иронией, сарказмом и преувеличением позволило писателю заострить внимание - словно через увеличительное стекло - на те явления, которые уродовали при культе личности Сталина нормальную будничную человеческую жизнь.

В заключение надо сказать, что многое насчет романа Войновича "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" было написано и сказано, особенно после съемки одноименного фильма. Но нам кажется, что основные исследования и разборы творчества этого писателя, его поэтики и его своеобразного взгляда на окружающий мир, еще впереди.